

В. С. ИКОННИКОВ

Значение царствования Екатерины II

Что же внесло царствование Екатерины II в жизнь русского общества?

Екатерина с замечательным увлечением говорит о России, о своем призвании: «Я люблю еще не распаханые страны. Поверьте мне, они суть наилучшие. Я тысячу раз говорила вам, что я годна только для России... В других местах нет более святой природы (*sancta natura*): все изыскано и искажено искусственностью». Она неоднократно повторяет Гримму: «Знайте, милостивый государь, знайте, что никогда Российская империя, никогда не будет разрушена»¹, и она выписывает длинную тираду из соч. Кур-де-Жебелена: «Первобытный мир» (ч. VIII, с. 58) в подтверждение своей мысли. «Вы говорите, — пишет она в 1789 г., — что, по отзывам безумцев, нет более Екатерины. Но если бы ее не было, Российская империя не переставала бы существовать, и ее конечно не разрушит ни Фальстаф*², ни Фридрих-Вильгельм, ни даже в соединении с другом Абдул-Гамидом. У нас прибывают силы от самого времени». «Россия велика сама по себе, и что я ни делаю, подобно капле, падающей в море», — пишет она Потемкину (1786). С другой стороны, признавая все значение восточной политики России и ее миссии в Азии, Екатерина постоянно и решительно заявляет, что Россия со времен Петра Великого — страна *европейская*. «Когда из нынешнего затруднительного обстоятельства выйдем с честью и славою, то великое уважение получим в Европе», — замечает она в 1788 г.³ И после Екатерины иная политика для России признавалась уже невозможной (слова импер. Александра I).

* Фальстаф — Густав III.

На основании «изучения истории» Екатерина верила в миссию «великих людей», которых она иногда иронически называет «тиранами». «Сильно ошибаются, что меня пугает чье-либо достоинство, — говорит она, — напротив, я желала бы видеть вокруг себя только *героев*, и я все на свете употребляла, чтоб сделать героями тех, в ком видела малейшее расположение... Бог мне свидетель, что я не имею никакой склонности к глупцам, а их много на свете, и мне кажется, что число их увеличивается...» * Тем не менее она была убеждена, что недостатка в людях нет. «Всякая страна доставляет всегда людей, необходимых для дела, и так как все на сем свете есть дело человеческое, то люди, стало быть, могут со всем управиться... Я никогда не искала и всегда находила под рукою людей, которые служили мне и, по большей части, служили хорошо. Сверх того, по временам, я любила *свежие головы*, которые очень полезны рядом с головами более умудренными — это вводные лица в пьесе: во время и кстати выпущенные на сцену, они только оживляют действие...»⁴ Понятно, что она требовала, чтобы монарх был человек просвещенный. «Надо быть хорошо воспитану и очень просвещенну, чтобы отличать истинное просвещение от ложного, различать намерения от слов и слова от дел. Человек, не имеющий воспитания, будет в этом случае или слаб, или тиран, смотря по его уму; лишь воспитание и знание людей могут указать настоящую меру», — читаем в одной из ее позднейших записок⁵.

Если некоторые замечали (Дидро), что «идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совсем другой цвет»⁶, то все-таки «Наказ» Екатерины оказал несомненное влияние на направление умов и состояние русского общества. Ссылки на «Наказ» Екатерины в иностранной литературе весьма часты. Говард обращается к ее авторитету⁷, а Гердер⁸, переселившись в Ригу (его родина Пруссия не нравилась ему своим милитаризмом), спешит отблагодарить свое новое отечество похвальными одами, в которых он воспекает просвещенную деятельность Петра Великого и Екатерины II. Под влиянием же «Наказа» у

* Героизм по-прежнему рисовался перед нею в своих классических формах. «Древние всегда старались с мужеством переносить невзгоды и боролись с ними: тут высказывалось истинное величие их душ, сильный ум и закаленная доблесть. Герои новых времен должны бы им подражать; они должны бы питать свой дух чтением древних писателей, которое развило бы в них и укрепило все свойства, необходимые для совершения великих деяний», — пишет Екатерина Гримму (14 сент. 1790 г.).

него является мысль написать сочинение о культуре народов и России, народу которой он предсказывает блестящую будущность. Так зародились его знаменитые «идеи к философии истории человечества». Но «Наказ» Екатерины несомненно оказал влияние и на русскую литературу, которая усердно пропагандирует идеи равенства и уважения к человеческой личности. «Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином...» «Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком...» «Подлой человек есть тот, который подлые дела делает, хотя бы он был барин, граф или князь; а не тот, который, рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титульных людей превосходит», — говорится в «Трутне» (с. 80, 147—149; ср. также «Живописец» 26—30). Идея человека, как человека, понимается в самом широком смысле: «сердца наши преклоняются только перед достоинством; монарх — нищий в сравнении с человеком», — читаем в «Утреннем Свете» того же Новикова (слова Юнга⁹)*. И Державин приветствовал рождение вел. кн. Александра Павловича словами: «Будь на троне человек!»¹⁰

Тому же подъему чувства человеческого достоинства должна была служить отмена телесных наказаний. От них освобождаются: священнослужители, дворяне, именитые граждане, купцы 1-й и 2-й гильдий, депутаты комиссии об Уложении, наконец воспитанники всех учебных заведений и училищ. Кроме того, телесным наказаниям запрещено было подвергать нижних служителей в этих последних, какова бы ни была их вина, «чтобы примеры суровости и строгости не были видны воспитанникам и не приучали их к суровости**». Врожденных поро-

* В журналах Новикова не раз затрагивается вопрос о положении крестьян. «Считай за порок повелевать рабами» и т. д. — говорится в речи Исократы к Демонику (Москв. Издание 1781); а в одной из эпиграмм (Вечерняя Заря 1782) встречаем след. стихи:

Мечтон душ с тысячу крестьян своих имеет,
Но сам он без души и т. д.

Как известно, указом 19 февр. 1786 г. отменялось употребление в прошениях выражений «челом бьет» и «раб», которые с этого времени заменяются словами: «приносить жалобу», «верный подданный» или «подданный».

** Нерасположение Екатерины к этого рода наказаниям выражалось и в других случаях. Так, в 1765 г., по поводу дела одного купца, присужденного, за произнесение непристойных слов, к аресту, она

ков и злодейств нет..., следовательно одно искусство воспитания отвращает непреложно *всякую варварскую необходимость в наказаниях**. Если мы примем во внимание, что незадолго до того русская школа, по свидетельству Екатерины, отличалась самою грубою системою наказаний, а несколько десятков лет спустя телесные наказания царили в ней в самых широких размерах и даже в наше время возможны еще споры по этому предмету, то гуманные идеи екатерининских педагогических правил должны быть поставлены на подобающую высоту.

Екатерина II до последнего времени мечтала о создании третьего сословия, которое должны были дать ее воспитательные учреждения и новые училища, а имя «гражданина», пущенное в ход французскими философами (прежде всего Руссо), не менее усердно пропагандировалось, как ею самой, так и современ-

приписала на рапорте москов<ского> глав<но>ком<андующего> гр. П. С. Салтыкова: «Спасибо гр. П. С., что он как мало возможно сечет. Изволь и впредь так поступать». В 1774 г. она писала А. И. Бибикову, посланному для усмирения пугачевского бунта, следующее: «Пожалуй, прикажите секретной комиссии осторожной быть в разборе и наказании людей: при расспросах какая нужда сечь? *Двенадцать лет* тайная экспедиция (следов<ательно>, она существовала с 1762 г.) ни одного человека при допросах *не секла ничем*, а всякое дело начисто разобрано было и всегда более выходило, нежели мы желали знать». В свою очередь, кн. Репнин, по вступлении в должность литов<ского> ген<ерал>-губ<ернатора> (1795), в областях, недавно присоединенных от Польши, требовал, «чтобы *никакое судебное место* не дерзало отнюдь употреблять в изыскании истины и для достижения оной, *пыток или каких podobных жестоких телесных наказаний...*, а надлежит достигать до истины свидетельствами посторонними, кроткими увещаниями и... в последней крайности присягою, дабы довести подсудимого до признания...»

* Напомним еще, что в 1770 г., когда правительству стало известно о злоупотреблении властью инспектора над студентами, посланными в Лейпциг, майора Бокума, то из Кабинета последовало ему следующее внушение: «Ведать вам надлежало, что не только *всякие телесные наказания*, но и в выговорах *всякая суровость, гнев и брань* — как средства благопристойному и разумному воспитанию, каковым по намерению своему всемиловитейше жалует Е. И. В. отправленных для того в Лейпциг дворян, *совсем бесчестные, непристойные, гнусные* и только подлого духа людям свойственные, из данной вам инструкции, так как и *из всех* за собственноручным Е. В. подписанием, к бессмертной имени ее славе состоявшихся *воспитательных уставах*, как-то: в Новодевичьем монастыре (Смольный институт), кадетском корпусе и академии художеств, хотя в сем последнем месте не дворянские, но разночиннические дети воспитываются, — *вовсе исключены*».

ной литературой*. С той же целью была составлена книга «О должностях человека и гражданина», изданная по высочайшему повелению в 1783 г., для чтения в народных городских училищах, в которой излагаются: краткая психология, наставления о здравии, правила благопристойности, обязанности родителей, детей, слуг; о гражданском союзе, о любви к отечеству, о науках, художествах и промыслах, о домоводстве. В своем месте мы упоминали о журнале, посвященном развитию той же темы.

Если автором известного изречения о «десяти виновных» следует считать Петра Великого (Устав Воин., гл. V, п. 9), то Екатерина так усердно пропагандировала это изречение, что оно было впоследствии приписано ей вполне. Еще Карамзин сказал: «Главное дело сей монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие, не утратив силы своей...»**

Дух гуманности, вытекающий из основных взглядов на человека и его природу, проникает и в другие сферы деятельности. В ряду этих отношений церковная политика Екатерины II имеет свое значение. Отчасти нам известны взгляды Екатерины на этот предмет. С 1770-х годов правительство дозволяет открыто свободу веры раскольникам; отменяет двойной оклад и преследования за ношение бород и старинной одежды; допускает их к свидетельству и отправлению общественных обязанностей по

* «Вы знаете мое глубокое уважение к этому слову («гражданин»). Как скоро оно произнесено, нужно умолкнуть», писала Екатерина Гримму (1778 г., 2—4 марта).

** Возражая почти по всем пунктам Радищеву, Екатерина о казнях Ивана Грозного в Новгороде заметила: «в чем, по истине сказать, меру не нашел» и она опасалась в Пугачевщину, чтобы нас не причли ко временам царя Ивана Васильевича... «О Пассековой сказано: она бы при имп. Анне высечена была кнутом, а при имп. Елисавете сидела бы в тайной», — замечает Храповицкий. «Я сказал, — прибавляет он далее, — что тогда страх и опасение заменили нынешнее почитание и усердие». Вопрос о прежней суровости интересовал современников Екатерины. Н. И. Панин собрал отовсюду донесения о колодниках («превеликая о том книга») и с удивлением рассказывал, «что люди за такие вины кнутьями сечены и в ссылку посланы были, за которые бы только выговором строгим наказан было достаточно», на основании чего «можно рассуждать о нравах тех времен» (Порошин). В 1745 г. сержант Ярославов за непристойные речи о правительстве, произнесенные им в пьяном виде, подвергался пыткам, а в 1778 г. отставной поручик Мневский, привлеченный к следствию за речь, составленную от имени вел. кн. Павла Петровича против «правителей», был освобожден от всякого наказания.

выборам; запрещает всякие притеснения их за веру*. Раскольничьи общины в Москве и на Иргизе, обладавшие значительными средствами, успели достигнуть цветущего состояния; но особенной свободой пользовались раскольники, поселившиеся в теплом крае, под покровительством Потемкина, который хотел выхлопотать им назначение особого епископа. Наконец, устанавливается известное соглашение на началах «единоверия»... Узнав о появлении вновь в Сибири саможигателей и самоутопленников, правительство предложило им возвратиться в их дома без всякого страха и опасения**. И если отношения эти не могли установиться на более широких основаниях, то не следует забывать, что сектантский вопрос давал себя чувствовать, в том или ином виде, в Австрии, Франции и даже в Англии.

В течение первой половины XVIII ст. волшебство и т<ому> п<одобные> проявления невежества преследовались, как суеверие. Но Екатерина в своем Наказе высказывает иную точку зрения на этот вопрос. «Обвинение в волшебстве и еретичестве, — говорит она, — может чрезмерно нарушить тишину, вольность и благосостояние граждан и быть источником бесчисленных мучительств, если в законах пределов оному не положено». Не признавая же в такого рода процессах исключительно религиозной точки зрения, Сенат в 1772 г. издает распоряжение о запрещении духовным особам вступать в следственные дела о чародействах, как подлежащих гражданскому суду***. В 1775 г.

* И в 1790 г., давая распоряжения кн. Прозоровскому «о недопущении потаенных и нелепых сборищ масонов», Екатерина прибавляет: «чтобы от этого не вышло притеснения раскольникам, которым отнюдь не следует наносить какое-либо препятствие в их молитвенных собраниях, к которым они, по их предубеждению, не обыкли допускать равно с ними мыслящих».

** В 1772 г., в виду появления скопческой ереси в Орловском уезде, Екатерина указала пределы расследования, а именно «чтобы дело сие трактовали, как обыкновенное гражданское, а отнюдь не иначе; и для того в разделении вин стараться, чтобы наказаны были преступления», а притом «чтобы невинным людям не было привязок и притеснения».

*** Рекомендую в 1769 г. осторожность в подобных делах, Сенат прибавляет, чтобы «не произвесть существительного вида инквизиции». Но, как трудно было вначале самому Сенату усвоить эту точку зрения, видно из след<ующего> письма Екатерины к кн. Вяземскому: «Куда как я бы любопытна была видеть ваших колдунов. Ну как статья, чтобы пуская по ветру червей за человеком, он бы оттого умер? И подобным басням в Сенате верят и потому осужда-

дела о кликушах и колдовстве подчиняются совестному суду; наконец в 1782 г., с изданием устава о благочинии, все вообще виды суеверия, а равно хулы и споры против веры отнесены к ведомству полиции и светского суда*.

Но, как мы знаем, Екатерина смотрела на подобные уклонения, в силу религиозных и нравственных условий, с более широкой точки зрения. «В 60 лет все расколы исчезнут; коль скоро заведутся и утвердятся *народные школы*, то невежество истребится само собою; тут насилия не надобно», — говорит она.

При учреждении Московского университета Ломоносов считал необходимым, в числе привилегий его, положить: «духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях». Екатерина могла утешиться, что ее просветительные стремления находили поддержку по крайней мере в ряду представителей высшей иерархии... Но особенно горячим защитником их, в широком смысле слова, является ученик Геттингенского университета (1766—1772)**, а потом епископ

ют! Виноваты они в том, что от Бога отреклись, а что черта видели, то всклепали на себя. Мое мнение есть, чтоб сих людей привести сюда, чтобы с ними толковее поговорить... И несколько позже (1770), по поводу другого подобного дела (о порче), Сенат отпустил обвиняемых домой, издал обличительный указ против глупых судей и подверг наказанию местную администрацию. По вопросу о волшебстве Екатерина ссылается на «Дух законов». А между тем еще во многих странах Европы (в Швейцарии до 1782 г., в Польше и Венгрии до 90-х годов XVIII стол.) имели место процессы ведьм.

* В дневнике Храповицкого (31 янв. 1782 г.) читаем: «По полученному от Еропкина донесению о схваченном бродяге, называемом монахом Захарием, велено снять с него железные вериги, потому что не должен никто сам себя изнурять или себе вредить, и хотя дело уважения не великого достойно, но понеже он фанатик, то нужно скорее исследовать».

** Недавно основанный (1734), но поставленный в весьма благоприятные условия (прежде всего благодаря свободе преподавания), Геттингенский университет вскоре занял видное место в ряду других немецких университетов. Напомним слова Пушкина:

С душою прямо геттингенской...
 Поклонник Канта...
 Он из Германии туманной
 Привез учености плоды:
 Вольнолюбивые мечты,
 Дух пылкий и довольно странный,
 Всегда восторженную речь...

нижегородский (1783—94) Дамаскин Семенов-Руднев *¹¹. Восторженный поклонник науки, он постоянно обращает свой взор к ней. «Какой прекрасный вид, какую приятную картину представляют нам те народы, которые науки и художества любят, которые в них денно и ночью упражняются!.. Там нет невежества, там нет закоснелых предрассудков... Там нет ни волшебников, ни чревобесников, ни кликуш, ни хиромантиков, ни других сим подобных обманщиков, понеже ничему такому там не верят...» Защитник всестороннего образования, он говорит: «*Весьма несправедливо, да и бесчеловечно некоторые политики умствуют, что простого народа или нужного состояния людей просвещать не надобно.* Они де так покорны не будут и управлять де ими трудно. Напрасно так думают». Напротив, он утверждает, что все общественные пороки проистекают от «непросвещения» и «остатков варварства». Поэтому, говорит он, «благоразумного и человеколюбивого правительства знак есть — стараться дать пристойное просвещение и простому народу». Подтверждая, что самая лучшая религия — христианская, он прибавляет: «такая, которая кривыми толками, суеверием и корыстолюбием не изгажена». С благодарностью вспоминает он о посылке Екатериною молодых людей за границу для обучения разным языкам и наукам, которые должны были быть употреблены для просвещения других, здесь обучающихся. Он указывает на открытие училищ и на введение *нового метода* обучения. Наконец, он радуется и тому, что «кроме сего, в скорости ожидаем еще и *открытия новых университетов...*» «Ис-

* Еще в Геттингене он заявил себя учеными трудами — переводами: части летописи Нестора на немецкий яз., издан<ной> в отрывках в 1771 г. проф. Гаттерером, и Богословия Платона на латин. яз. (СПб., 1774); изданием соч. Феофана Прокоповича «De processione Spir. Sancti», с дополн. и примеч. (Гота, 1772); перев<ел> на рус. язык соч. Сульцера «О полезном с юношеством чтении древних классических писателей» (М., 1780, 1787). Затем им были изданы сочин<ения> Ломоносова (3 ч., М., 1778); Слова и сочин<ения> м<итрополита> Платона (12 т. М., 1780); написаны: «Библиотека Российская, или Сведения о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших» (СПб., 1881; М., 1891), с историческим введением; «Словарь языков разных народов в Нижегород<ской> епархии обитающих» (рукоп.), вызван<ный> филологических занятиями Екатерины II; слова на разные случаи, тогда же изданные; наконец, утраченное рассуждение: «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских». С 1783 г. Дамаскин состоял членом Российской академии († 1795). О нем см.: *Горюжанский Я.* Дамаскин Семенов Руднев, еп. нижегородский, его жизнь и труды. Киев, 1894.

тинный гражданин, говорит Дамаскин, почитает и любит науки, как драгоценнейший дар, с небес ниспосланный; ему нет ничего несноснее, как видеть свое отечество, покрываемое тьмою глубокого невежества и прегрубого варварства».

Поклонник екатерининских реформ и учреждений, Дамаскин является защитником самой *широкой терпимости* и заявляет, «что духовные особы тогда вспомоществуют к возвышению общества, когда закону учат народ с кротостью, снисхождением, долготерпением, когда к распространению благочестия и поправлению нравов в народе употребляют не меч телесный, но меч духовный: то есть глагол Божий... Но когда, напротив того, поступают строго и нечеловеколюбиво: тогда нельзя ожидать от них возвышения народа, но паче понижения и уменьшения».

Какая противоположная нота чувствуется в этих строках после известных мнений Арсения Мацеевича и др.<угих> лиц, сошедших со сцены в начале царствования Екатерины!

На указанной выше широкой основе просвещения Дамаскин утверждает и *любовь к отечеству*, которая может быть «простонародная и непросвещенная» или «благородная и просвещенная»... «Первая есть действие природного побуждения и простирается только на свою землю, на своих граждан; прочие же все люди суть для нее ничто». Но «в наши лучшие и просвещеннейшие времена, — говорит он, — любит свое отечество только простонародным образом — не довольно — требуется еще другая — *истинная любовь к отечеству*. Она проистекает из *единого человеколюбия* и выражается в том, что добродетельный гражданин любит своего согражданина не для того только, что он той же с ним земли, того же народа, того же отечества; но что он *таков человек, как и он...* В рассуждение сего он смотрит не что гражданину только, но и что человеку, *яко человеку*, полезно и нужно. Отсюда желание благотворить, *делать добро всякому человеку*, какого бы он общества ни был, и в этом находит внутреннее утешение. Счастлива та страна, в которой находится такие любители отечества»!.. Но для возбуждения в себе подобной любви «требуются великие добродетели, а их нельзя иметь без благоподатливого *просвещения*».

Любопытно, что проповедник не забыл коснуться и наиболее щекотливого вопроса — положения крестьян. «О коль бы безопасно, коль бы *цветуще* было состояние народов, когда бы половина только тех дарований, которые истощены бывають ко удержанию в них *невежества, скудости и рабства*, употреблены были на *доставление им просвещения, достаточно пропитания и благородной вольности*». В подтверждение своей

мысли он приводит то, что «дикий и в варварстве взросший человек, *получа случай к освобождению себя от утеснения*, всегда грубейшие и бесчеловечнейшие к тому употребляет *способы...*»

Развитие подобных идей в обществе, сделавшихся достоянием и церковной кафедры, лучше всего объясняет нам, насколько сознание о высоком назначении человека, безотносительно к его положению, являлось нравственным побуждением в деятельности лучших людей того времени.

Обратимся к действительности. Перед нами, близкий сперва к вольтерианству*, а потом масон — Новиков: вся жизнь его уходит на *организацию благотворительного дела в широком смысле слова*, то в виде сбора пожертвований и издания журналов (Утренний Свет, Вечерняя Заря и др.), на устройство (в Петербурге) начальных училищ для бедных и сирот, то в создании общественной благотворительности по образцу Венского института для бедных (призрение нищих, больницы), то в учреждении определенного общества для содействия образованию учащимся (в Москве)**, то, наконец, в привлечении к делу во время голода 1787 г., богатого заводчика (Походяшина), который вручил Новикову до 300 000 руб., на удовлетворение необходимых нужд, по выслушивании речи последнего в масонском собрании, не считая вложенных им на поддержку «типографского общества» свыше 500 000 руб., и умер после разорения компании, в нищете, но с неизменным уважением к масону — инициатору этого дела...

Радищев отправляется в отдаленную ссылку. И кто же является его покровителем? Его главный начальник, рекомендовавший его императрице, гр. А. Р. Воронцов, некогда друг Вольтера, президент Коммерц-коллегии, сенатор и совестный судья Петербурга, будущий канцлер. Заботы его о Радищеве начина-

* Так, и в 1784—85 гг., в журнале «Покоящийся Трудолюбец», признаваемом лучшим, Новиков говорит: «Истинная святость заключается во внутренней добродетели». «Кто бы ни был Вольтер, хотя впрочем и он в некоторых случаях неизвинителен, при всем том он один гораздо более был полезен для общества, нежели все полчище пустосвятов...» и т. д.

** В 1781 г., по инициативе проф. Шварца, при Московском университете возникает «собрание университетских питомцев», имевшее литературный характер, а с 1782 г. «дружеское ученое общество», полагавшее между прочим целью приготовление молодых людей к учительскому званию (их было свыше 50 чел.), посылку их за границу и т. п. Педагогическая семинария существовала еще с 1779 г.

ются с момента его заключения и продолжают до возвращения из ссылки при импер. Павле I: он возмущается, что, по ошибке, на Радищева надели оковы*; шлет письма ко всем начальникам губерний на пути его следования до Илимска, прося о снисхождении и внимании к узнику; получает от них уведомления об уходе за ним; берет на себя содержание его с детьми в Сибири; высылает ему книги, журналы, газеты и физические инструменты; заботится о его семье, утешает его отца и ведет вполне дружескую переписку с ссылкой**. И в то же время гр. С. Р. Воронцов, русский посланник в Англии, в письмах к брату, выражает сожаление о приговоре над Радищевым и не раз вспоминает о нем в своей переписке. Ему хотелось, чтобы Радищев был употреблен к делам в Сибири по своим способностям.

Быть может, это единственный пример столь сочувственного отношения высшего сановника к своему подчиненному в момент тяжкого бедствия, его постигшего. Чем же руководствовался А. Р. Воронцов в своем гуманном подвиге? «Единственно по человечеству», как он выражается.

В 1793 г. скончался в Вене чрезвычайный посол (с 1761 г.) кн. Д. М. Голицын, стяжавший любовь жителей столицы своими благотворениями и покровительством ученым и художникам, завещав на устройство и содержание больницы в Москве 850 000 руб., доходы с двух своих вотчин и картинную галерею, обращенную в деньги; 10 000 руб. в пользу харьковского коллегиума, учрежденного при участии его отца; доход с имений в пользу богаделен и школ, заведенных им в деревнях, а также отпустить на волю «всякого звания дворовых людей с женами и детьми и простить все недоимки, какие могли ока-

* Последние, по распоряжению императрицы, были сняты, для чего и отправлен вслед за ним курьер.

** В «Архиве кн. Воронцова» (т. V и XII) напечатано до 75 писем Радищева, 1782—800 гг., которые имеют значение не только для характеристики этих отношений и биографии Радищева, но и для истории Сибири (состояния края, торговли и т. п.). В них постоянно упоминается о письмах к нему Воронцова. Последний назначил на содержание Радищева 800 руб. в год, сумму по тому времени значительную. Не менее характерно, что иркутский наместник Пиль, извещая Воронцова о Радищеве, называет его «Александр Николаевич» и прибавляет: «Смею уверить, что *они там, кроме скуки, никакой нужды не претерпят*». Далее пишет, что он отправил в Илимск: «колясочку на рессорах, случившуюся у меня, в чем *они и могут там ездить*» (Архив кн. Воронцова, XXIV, 214).

заться на крестьянах по день его кончины». При этом он уверяет своих наследников: *«яко человек, содержат[ь] всех его крестьян в отеческом призрении, как то и при мне было, и не отягощать их свыше сил человеческих, помня, что и они суть ближние наши»*.

Горячий последователь идей Новикова, И. В. Лопухин¹², оставив службу в гвардии, поступает советником в уголовную палату в Москве, где задается целью *«наблюдать, чтобы невинный не был никогда осужден, а виноватый не избежал наказания, но, по человеколюбию, сколь можно более умеренного, не удаляясь от силы законов...»* *«Жестокость в наказаниях, — говорит он в своих записках, — есть только плод злобного презрения человечества и одно — всегда бесполезное тиранство»*.

Известный Опочинин в завещании объясняет один из мотивов своего недовольства окружающей средой: он просит отпустить на волю его слуг и отдать весь хлеб, находящийся в амбарах, крестьянам; а масон Нармацкий в глухой Казанской провинции поучает своих соседей-помещиков о вреде крепостного права, за что и потерпел от них...

Перед нами прошел ряд примеров, в которых столь завидную роль играет, по выражению нашего поэта*, *«святейшее из званий: человек»*... Напомним еще прекрасные слова Гизо (в IV томе его мемуаров), обращенные к тому времени: *«Много простится, — говорит он, — тому веку симпатии и искренней, человеческой веры, потому что он много любил...»*¹³

История, в ее общем ходе, представляет картину прогресса мысли и деятельности человека. Будем же справедливы! Как бы ни были недостатки и слабости людей того времени, но не следует забывать, что эти люди были *отцами тех детей*, которых мы обыкновенно называем людьми сороковых годов, а на долю этих последних пришлось осуществить и те задачи, о которых их предшественники могли только лишь мечтать.

* Жуковский: На рождение вел. кн. Александра Николаевича (1818 г.).